Текст · 19 сентября 2022, 12:13
Молли Крэбэппл,

В тени вторжения. Украинские зарисовки художницы и писательницы Молли Крэбэппл

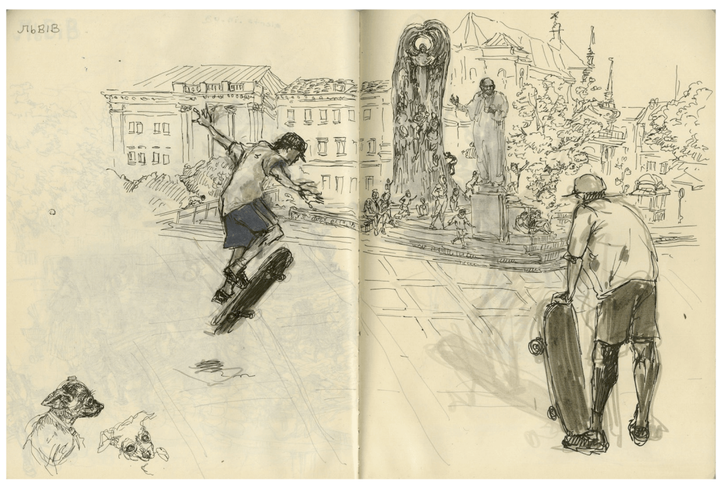
Художница Молли Крэбэппл занимается журналистикой уже десять лет. Она делала рисованные репортажи с базы Гуантанамо и войны в Сирии, из Пуэрто-Рико после урагана «Мария» и лагерей беженцев в Греции. В августе она отправилась в Украину по заданию *New York Review of Books*. «Медиазона» перевела получившийся материал.

В августе я две недели ездила по Украине на поездах и зарисовывала в блокноте повседневную жизнь в тени российского вторжения. К началу моего путешествия украинская армия оттеснила войну обратно к югу и востоку страны. Львов, Одесса и Киев вернулись к бурной жизни. Дети рассекали на самокатах. Уличные музыканты играли на бандурах. Бабушки продавали овощи с лотков. Девушки с идеальными укладками курили кальяны в кафе, которые выплеснулись из помещений на мощенные булыжником улицы. Но все это волшебство обманчиво. Какой масштаб ни возьми, крупный или мелкий, война искалечила жизнь каждого.

Кто-то из тех, кого я встречала, бежал из разрушенных Мариуполя и Харькова. У всех есть родственники в армии. У всех есть близкие, которые погибли, пропали без вести, в плену или рассеяны по Европе. А еще есть те, кто перестал разговаривать с близкими, оказавшимися в

оккупации и поддержавшими ее. «Эта война научила нас ненавидеть, — говорит мне пожилая женщина в Киеве. — Я бы убила оккупанта, если бы увидела. Тебе тут это любая бабушка скажет».

«Мы должны победить», — говорит Кристина, глядя в окно купе, где мы вместе оказались по дороге из Львова в Киев. Ей двадцать с небольшим, она вся в татуировках и последние десять лет жила в Бруклине. Потом началась война, ее отца призвали, у бабушки Альцгеймер, и мать попросила ее вернуться домой. Кристина говорит, что вторжение многое прояснило: теперь она и все остальные могут заново оценить свою страну. «Мы должны победить, потому что мы хорошие. И храбрые. Но мы теряем столько хороших людей! А они проигрывают — они просто лузеры и насильники». За окном бесконечные пшеничные поля вдруг просияли ярко-желтым. Она улыбнулась: «Смотрите! Наши подсолнухи!»

Скейтеры на проспекте Свободы. Львов, 2 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Львов, который до Первой мировой был частью Австро-Венгерской империи, — чудесный город, стильный, величественный, роскошный. На фасадах белых барочных зданий изгибаются нимфы. Фитнес-инфлюэнсеры стримят свои обеды в типичных хипстерских кофейнях. Я села на проспекте Свободы, чтобы зарисовать скейтеров, делающих кик-флипы у подножия памятника украинскому поэту Тарасу Шевченко. Сверкало

полуденное солнце, воздух был теплый, как поцелуй. Не верилось, что эта страна переживает вторжение. А через полчаса взвыли воздушные сирены.

Соборная площадь. Львов, 2 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Сначала Россия оправдывала вторжение необходимостью защитить русскоговорящее население от геноцида. А потом превратила в руины русскоговорящий Харьков. Затем речь пошла о фашистах: то, что Зеленский — еврей, не значит, что он не может быть фашистом, сообщил министр иностранных дел Сергей Лавров. В конце концов, «у Гитлера тоже была еврейская кровь».

За кулисами стендап-клуба Cult. Львов, 10 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Валерия, стендап-комик из Харькова, выросла в русскоязычной семье и при этом наполовину еврейка. На выступлениях она теперь шутит, что наполовину Гитлер. Валерия выступает в стендап-клубе *Cult*, маленьком андеграундном заведении с плохим освещением, как будто прямо из нью-йоркского Вест-Виллиджа. Выступления проходят на английском и украинском, большую часть доходов отправляют на нужды ВСУ. «Сильно поменялось целеполагание у нас в стране, — шутит

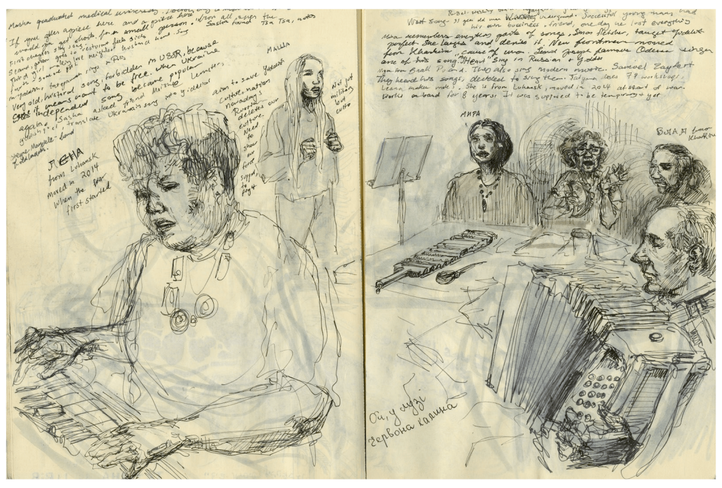
Валерия в одном из сетов. — Раньше моя бабушка говорила, что не собирается помирать, пока все ее внуки не переженятся. А теперь — пока Путин не сдохнет».

Татьяна Сукоркина. Львов, 9 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Треть населения Лемберга — так на идише называется Львов — до Холокоста была еврейской. Сегодня об этом мало что напоминает, если не считать нескольких памятников, пары синагог, из которых действует одна, и ветхих вывесок на идише на фасадах нескольких магазинов. Небольшая, но увлеченная группа идишистов — не только еврейского происхождения — сохранила язык. Я пришла в квартиру 82-летней Татьяны Сукоркиной на репетицию группы *Shtrudl*. Татьяна родилась в Варшаве, но родители вывезли ее во Львов еще ребенком. Она работала медсестрой, а на пенсии решила посвятить себя еврейской музыке. Она прекрасно поет, со страстью и озорством, иногда аккомпанируя себе на тамбурине. Остальные музыканты окружают ее, как подданные королеву. Они переделывают традиционные песни о ворах и влюбленных, добавляя туда современные мотивы, например, недавно переведенную на идиш патриотическую песню «Ой у лузі червона калина». Услышав, как поют на идише в стране, где 80 лет

назад почти всех носителей этого языка убили, я прослезилась.

Репетиция группы Shtrudl. Львов, 9 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Вокруг киевских памятников — мешки с песком. На Подоле стоит барочный фонтан: Самсон раздирает пасть льву. Головы Самсона почти не видно. Советская власть уничтожила статую в середине 1930-х, потом восстановила в 1981-м, чтобы придать кварталу более исторический вид, и местные жители решили, что не допустят новой гибели фонтана. Так же надежно, несмотря на то, что он писал по-русски, защищен и сидящий в элегантной позе бронзовый Михаил Булгаков, автор «Мастера и Маргариты». Мешки с песком положили в первые дни войны, чтобы защитить скульптуры от осколков. С начала войны Россия разрушила или повредила 186 украинских достопримечательностей. В Бородянке оккупационные российские войска использовали бюст Тараса Шевченко как мишень для стрельбы.

Фонтан «Самсон», памятники Михаилу Булгакову (Киев) и Тарасу Шевченко (Бородянка). 5–7 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

28 апреля Россия нанесла ракетный удар по жилому дому в Шевченковском районе. Погибла журналистка Вера Гирич. Исполнительный директор

Украинского ПЕН-клуба Татьяна Терен привела меня к почерневшему зданию, где умерла Гирич.

Многоэтажка в Шевченковском районе. Киев, 5 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

«Вера копила на эту квартиру всю жизнь», — рассказывает Татьяна. Она часто замолкает, не в силах говорить. Ее племянник погиб на фронте незадолго до нашей встречи. «Мы подумаем о своей боли после победы, — продолжает она. — Сейчас нам нужно собраться, чтобы бороться, работать, поддерживать нашу армию».

В 1935 году советские власти уничтожили Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве. Сняли золотые купола, продали серебряные ворота, увезли византийские мозаики в петербургские музеи. А остальное взорвали. В 1999 году, уже в независимой Украине, его восстановили. Несколько месяцев назад Михайловскую площадь перед монастырем отдали под выставку уничтоженной российской техники [см. иллюстрацию в начале материала]. Украинские семьи прогуливаются между ржавеющих танков, покрытых рисунками членов, названиями городов и проклятиями в адрес Путина. Подростки карабкаются на танковые башни, чтобы сделать селфи. Дети помладше сидят верхом на пушках. А

за ними — воскрешенный Михайловский монастырь, в золоте и голубом, как сказка, как напоминание о выносливости и упорстве.

Женщина продает украшения на «Вернисаже». Львов, 15 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Украинское национальное возрождение началось еще в XIX веке, но война с Россией придала ему ускорение. Традиционные искусства — вышивка, роспись, игра на бандуре — это уже не просто забытые ремесла для привлечения туристов, а необходимое именно сегодня проявление непокорности.

Станислав Чередниченко. Киев, 8 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

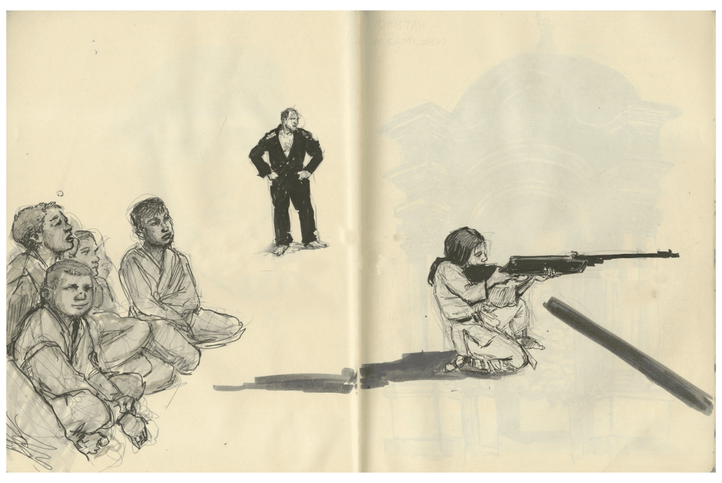
Когда Станислав Чередниченко играет на старом пианино у Софийского собора, раздавая прохожим ноты и тексты, чтобы они подпевали, это и есть дух непокорства.

У Золотых ворот. Киев, 4 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

За утренним кофе я вижу солдата и его невесту, позирующих на фоне Золотых ворот. За редкими исключениями, мужчины от 18 до 60 лет не имеют права покидать территорию Украины. Неудивительно, что парки забиты парочками. В такой ситуации начинаешь держаться за своего мужчину.

Буча, процветающий городок под Киевом, теперь синоним резни. За время оккупации российские военные убили сотни гражданских, в том числе детей, завалив улицы обугленными телами. В эти дни, рассказывает Василий, 150 человек укрывались в его додзе. Оно находится в подвале, так что очень подходило в качестве бомбоубежища. После отступления русских Василий пошел в волонтеры — раскапывать тела в лесу. Были там и тела его друзей. У одного, сказал он, были выколоты глаза. Василий возобновил занятия боевыми искусствами, но добавил к обычному расписанию упражнения в стрельбе.

Девочка с винтовкой в дозе. Буча, 5 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

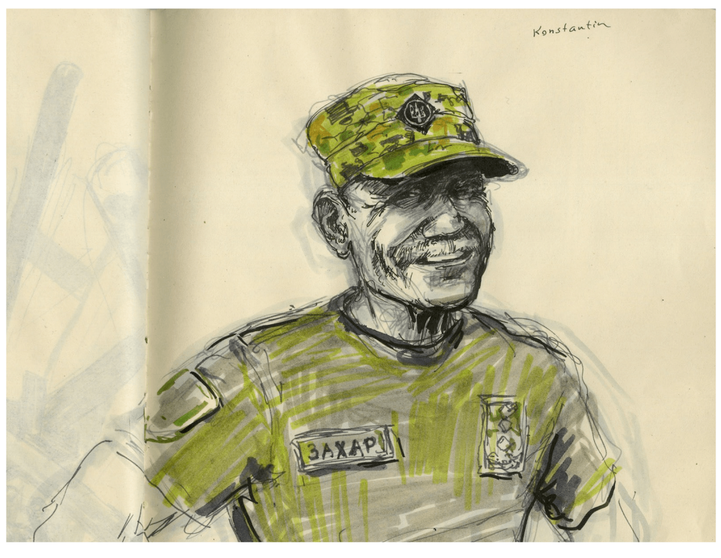
Улицы украинских городов заставлены «ежами» — противотанковыми укреплениями, спаянными из всех мыслимых видов железа. В первые дни войны по сетям разошлось фото нескольких таких ежей с подписью: «От евреев Одессы». Сейчас, в августе, ежи перекрывают дорогу к знаменитой Потемкинской лестнице — той самой, что ведет в порт, по которому Россия ударила крылатыми ракетами 23 июля. После подписания договора об экспорте зерна, в котором благожелательно пообещала ровно этого не делать.

Екатерининская площадь. Одесса, 11 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

С Константином меня познакомила Анна Гречишкина, легендарная мотоциклистка, которая собиралась объехать весь мир за девять лет, но прервала путешествие и вернулась, чтобы защищать свою страну во время вторжения. Анна записалась в добровольческий батальон. Константин — ее командир. Бывший офицер, с которым Анна познакомилась, когда он был президентом одной из крупнейших ассоциаций мотоциклистов в Украине. По закону 67-летний Константин уже вышел из призывного возраста. Но он создал свой батальон, потому что все равно хочет сражаться. Я нарисовала его портрет по дороге в Бородянку, городок под Киевом, который был почти полностью разбомблен Россией при попытке взять столицу. Бомбы разрушили и много окрестных деревень, так

что Анна и Константин отправились помогать одной пожилой женщине строить уличную кухню возле руин, которые когда-то были ее домом.

Константин. 5 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

У войны универсальная архитектура. Вот разбомбленное здание — осколки жизни свисают с того, что когда-то было этажами. А вот лагерь перемещенных лиц, в лучшем случае набор индивидуальных построек, где люди, когда-то жившие в этих зданиях, бьются со своей новой, жестоко урезанной реальностью. Гречишкина организовала группу мотоциклистов, чтобы поехать в один из таких лагерей в Бородянке. Идея была в том, чтобы покатать детей, раздать сладости и просто поднять людям настроение. Я забралась на мотоцикл позади Константина и тоже присоединилась к поездке.

Женщины в грузовом контейнере. Бородянка, 13 августа. Иллюстрация: Молли Крэбэппл / New York Review of Books

Шел дождь, но уже скоро вокруг нас собралась толпа детей. Байкеры ездили кругами по грязному полю, а дети крепко держали их за плечи и визжали от восторга. Две пожилые женщины наблюдали за ними

из окон грузового контейнера, где они теперь живут. Одна подозвала меня и вручила тарелку с черным хлебом, огурцом и салом. Когда мы все подъели, она дала мне еще одну тарелку, а потом и еще одну — она была счастлива, что, даже превратившись в хозяйку грузового контейнера, все еще может накормить гостей.

Автор: Молли Крэбэппл

Оригинал: *In the Shadow of Invasion*, *The New York Review of Books, September 9, 2022*

Перевод: Вера Нифлер